

18+

Кирилл Баранов

Архангело-Пашийский
Завод

НАЧАЛО

Кирилл Баранов

**Архангело-Пашийский
завод. Начало**

«Издательские решения»

Баранов К.

Архангело-Пашийский завод. Начало / К. Баранов —
«Издательские решения»,

О строительстве и жизни уральского завода двести сорок лет тому назад.
Как строили и работали, как учились и лечились в те далекие времена.
О заводских мастерах и результатах их труда. В книге упомянуты более
450 строителей и жителей завода. Посмотрите, может среди них есть и ваши
предки.

Содержание

Предисловие	7
Введение	10
Глава 1. Начало	13
Глава 2. Легенда о создании завода	21
Глава 3. Строительство поселка	26
Глава 4. Складская ведомость	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

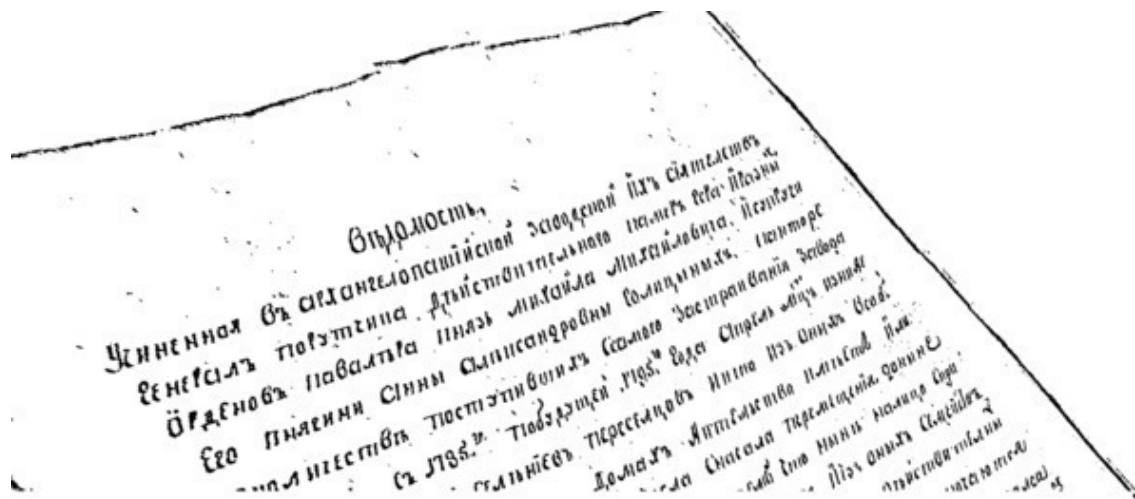
Архангело-Пашийский завод Начало

Кирилл Баранов

© Кирилл Баранов, 2026

ISBN 978-5-0070-1104-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ведомость,

Учиненная в Архангело-Пашийской заводской их сиятельству генерала поручика действительного камергера и разных орденов кавалера князь Михайла Михайловича и супруги его княгини Анны Александровны Голицыных конторе о количестве поступивших с самого застраивания завода то есть с 1785-го по будущей 1795-го года апрель месяце из нижеозначенных селений пересельцев и кто из оных в собственных своих домах жительство имеет или у других ково, и с того числа сначала перемещения донине разными случаями выбыло, затем что ныне налицо спривылыми и вновь рожденными. Также из семейств по написанным летам должны быть действительными работниками или по каким причинам заключаются старичьем перечню. И како кто состояния оказался обо всем том означается под сим в следующих параграфах.

Предисловие

Занявшись изучением истории своих предков, два века работавших на уральских Архангело-Пашийском и Кусье-Александровском заводах, я вскоре обнаружил, что в московских архивах хранится огромное количество документов по деятельности заводов и управлению Пермской вотчины князей Голицыных — бывших владельцев этих заводов. Там, среди огромного количества технических и бухгалтерских рапортов и отчетов, попадались документы совершенно иного рода, рассказывающие о жизни на заводе двести с лишним лет назад. Поиски расширились, часть документов нашлась и в Государственном архиве Пермского края, и в Российском государственном историческом архиве. Списки работников и рекрутов, распределения людей на работы, прошения, рапорты о происшествиях, доносы, многочисленная переписка приказчиков открывали совершенно неизвестные и очень интересные страницы жизни заводского населения.

Это совсем не та история, которую изучают в школах и университетах, где в учебнике в лучшем случае будет уделена лишь пара страниц горнозаводскому Уралу XVIII — XIX веков, и даже не та история, которая в изложении многих уважаемых дореволюционных авторов описывает жизнь горнозаводского населения в то время. Это, если можно так сказать, история документальная, где много подробных деталей, свидетельствующих о различных сторонах жизни Архангело-Пашийского завода.

Это и история поселка тоже. Ведь заводом в то время называлось не только само производство, но и весь поселок. А в поселке, кроме домов заводских работников, были церковь и школа, больница и даже «лакированная фабрика». И любой документ, описывающий их работу, поражает изобилием деталей, которые приоткрывают странички заводской жизни. В книге мало говорится о производстве. История металлургии, включая данные о количестве выплавленного чугуна, поставленной руды, производительности домен — это совсем другая тема. Это тоже может быть интересно специалистам, но мне в первую очередь были интересны люди. Фамилии и еще раз фамилии: мастеровые и крестьяне, служители и приказчики — все они, кто больше, кто меньше внесли свой вклад в построение и развитие завода.

Кто и как основал первый госпиталь? Правда ли, что заводской приказчик прежде был атаманом разбойников? Кто, кого и как учил в заводской школе? Кто придумал планировку поселка? Когда заложили завод? Из каких сел переселили заводских жителей? Кто строил церковь, и кто автор знаменитых образцов деревянной скульптуры из Пашии, хранящихся ныне в Пермской художественной галерее? Правда ли, что на заводе делали кареты и мебель? На эти и множество других вопросов найдутся ответы в книге.

В книге много цитат из архивных документов. Язык их несколько непривычен для современного читателя, но он не должен вызвать большого труда при прочтении. Мне кажется, он передает дух тех ушедших лет. Отчества, если они процитированы из документа, даны в оригинальном виде. В это время уже редко употребляли слово «сын» после отчества, но форма отчества была похожа на фамилию — Петров и Михайлов вместо Петровича и Михайловича. Да, грамматика за эти годы существенно изменилась. Поэтому в цитатах есть отклонения от оригинала. Например, предлоги, несмотря на то что они писались слитно в то время, написаны раздельно, но написание слов оставлено оригинальным там, где оно не мешает понимать смысл. Читая архивные страницы, порой удивляешься, что какие-то известные и кажущиеся современными выражения находятся в документах двухсотлетней давности, а ряд и слов, и выражений настолько архаичны, что возникают сомнения в их правильном понимании.

Одним из первых увиденных мною документов, послуживших основой для статьи, а затем и главы этой книги, был перечень жителей завода, написанный десять лет спустя после его основания, в 1795 году: «Ведомость учиненная в Архангелопашийской заводской их сия-

тельств генерала порутчика действительного камергера и разных орденов кавалера князь Михайла Михайловича и супруги его княгини Анны Александровны Голицыных конторе о количестве поступивших с самого застраивания завода то есть с 1785-го по будущей 1795-го года апрель месяце из нижеозначенных селениев пересельцев...»¹

Под этим пространным заголовком документа была подпись его составителей. Ими оказались мой далекий предок Яков Баранов и его помощник Василий Кузнецов. Отдавая себе отчет в том, что все эти архивные материалы вряд ли в ближайшие годы будут широко доступны, я начал писать и публиковать статьи в горнозаводской газете «Новости», рассказывая о найденных мною страницах истории Пашии. Статьи и легли в основу этой книги. Конечно, в книгу вошло гораздо больше материала. Не все удалось опубликовать в газетных статьях в силу ограничений такого формата, не все находки нашли свое отражение к моменту выхода материала в печать. Новые находки случались уже и после их публикации в газете. Некоторые из них добавляли детали, а порой и немного меняли представление о том или ином событии.

Особую гордость вызывают сделанные маленькие открытия. Они, несомненно, вызовут интерес у всех, кто интересуется историей завода и поселка. Удалось выяснить дату закладки завода и дату закладки церкви, фамилии строителей церкви, первого учителя и первого лекаря и того, благодаря чьим усилиям в поселке появилась школа и больница, обнаружить забытые страницы истории о производстве на заводе карет, металлической мебели, расписных подносов и даже икон.

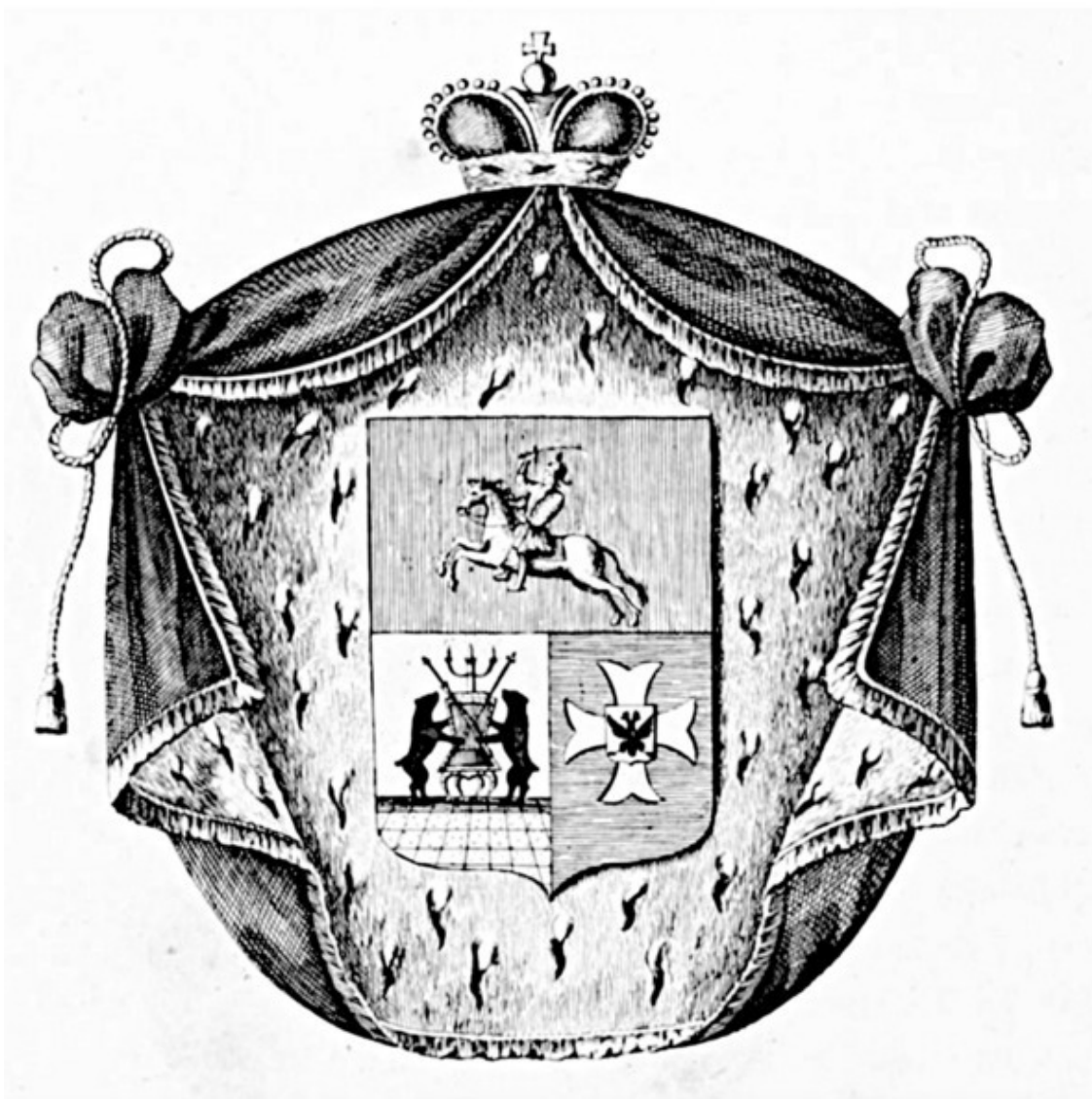
Большинство найденных документов относятся к периоду строительства завода и первым десятилетиям его существования. Поэтому, несмотря на то что повествование в некоторых главах затрагивает и более поздние события XIX века, мне показалось, что название книги «Архангело-Пашийский завод. Начало» больше отражает ее содержание.

Надеюсь, что книга будет интересна всем, кто интересуется историей горнозаводского Урала и историей владельческих заводов. Но мне особенно хочется, чтобы книга дошла до нынешних потомков тех людей, о которых и рассказано в этой книге. Часть из них и сейчас живут в Пашии и Горнозаводском районе, часть раскидана по всей стране и даже за ее пределами. Хочется верить, что эта книга многим из них даст информацию о жизни их далеких предков, заставит задуматься об истории и, может, даже подтолкнет к проведению собственного исследования.

В завершение еще несколько слов. В книге, кроме сносок с пояснениями и комментариями, есть сноски с источниками. Их можно смело пропускать при чтении, но они помогут тем, кто захочет глубже погрузиться в тему. Часть имен приводится в старинном написании. В этом случае они выделены курсивом. Так-же курсивом выделены слова если использовано их историческое написание. Для тех, кто захочет найти в книге упоминание о своем возможном далеком предке, в конце дан фамильный указатель. С учетом того, что книга выходит не только в печатном, но и в электронном формате, в указателе даны ссылки только на главы.

Иллюстрации в книге: Предисловие, главы 1, 15 — коллаж, выполненный с помощью нейросети (Chat GPT) с использованием текстов из фонда 14 ГИМ ОПИ. Обложка и главы 2 —14 художественная реконструкция по авторскому описанию, выполнена с использованием нейросети (Chat GPT).

¹ ГИМ ОПИ: ф. 14, оп. 1, д. 839.

Фамильный герб Голицыных

Введение

Рассказывая историю Архангело-Пашийского завода и его жителей на рубеже XVIII и XIX веков, наверное, стоит немного поговорить о причинах его появления и событиях, которые этому предшествовали. История освоения Уральских земель именитыми людьми Строгановыми и последующее деление их владений между наследниками уже многократно описана множеством авторов и исследователей, поэтому мне совершенно не хотелось подробно на этом останавливаться. С другой стороны, если читатель никогда этим не интересовался, наверное, неправильно перед чтением книги направлять его к другим авторам или за информацией в интернет. Поэтому ниже приводится очень краткое изложение событий, предшествующих строительству завода.

В XVII веке обширные земли на Западном Урале по реке Каме принадлежали именитым людям Строгановым — купцам и промышленникам из Соль-Вычегодска, с XVI века начавшим освоение Уральских земель. Наверное, самым известным их начинанием является снаряжение и финансирование военной экспедиции Ермака на покорение Сибири. В роду, изначально едином, было несколько семей наследников, которые постепенно делили между собой вотчинные земли, пока в начале XVIII века все они не были собраны воедино сподвижником Петра I, добившегося получения дворянского титула для своих сыновей Григорием Строгановым. Где выкупом, где хитростью и обманом, он получил земли от своих родственников. Кроме того, государем он был пожалован еще и дополнительными землями. В результате обширные его уральские владения составляли² больше 10 миллионов десятин³ — несколько больше территории современной Португалии.

Но объединенная и приумноженная вотчина недолго просуществовала как единое целое. После смерти Григория Строганова земли с живущими на них крепостными крестьянами в середине восемнадцатого столетия опять стали делиться. Сначала между его тремя сыновьями, бывшими к моменту раздела уже в почтенном возрасте, а вскоре после их смерти — и между его внуками и внучками. Наследники продавали свои доли, внучки выходили замуж, и в результате все наследство оказалось в руках шести владельцев. Из них только двое были носителями фамилии Строгановых.

Так, владения, доставшиеся старшему сыну Григория Александру, были поделены между его вдовой и двумя дочерьми. Старшая дочь Анна в 1757 году вышла замуж за князя Михаила Голицына, который и стал фактическим наследником почти шестой части бывших владений Строгановых. Полученное наследство включало в себя земли по берегам рек Камы и Чусовой и почти десять тысяч крепостных крестьян и мастеровых. Также ему достались стоявшие на этих землях соляные варницы, Нытвенский железоделательный завод и половина Кусье-Александровского чугуноплавильного завода. Князь стал активно развивать производство, но чугуна для полной загрузки Нытвенского завода было мало, а чугунолитейное производство на нем развивать было невыгодно из-за удаленности от рудников. Поэтому он стал хлопотать о построении еще одного завода, благо еще во время жизни Александра Григорьевича Строганова, основавшего Кусье-Александровский завод, в окрестных землях было найдено множество железорудных месторождений.

Но получилось далеко не сразу. Первая попытка получить разрешение на строительство в 1772 году закончилась неудачей. Мешал длящийся многие годы процесс деления наследства и земель, в него входящих. Хотя братья Строгановы и поделили наследство относительно мирно,

² Шилов А. В. Разделы пермских владений Строгановых в середине и второй половине XVIII века // Вестник Пермского университета, вып. 7 (23), 2008.

³ 1 гектар = 1,09 десятины.

но земельные споры продолжались и после раздела. При разделе наследства между тремя братьями Строгановыми в 1747 году все земли по реке Чусовой, включая самые дальние на то время села Калино и Камасино, достались старшему брату Александру Григорьевичу Строганову. Ему же впоследствии предполагалось отдать и Чусовские соляные промыслы. Но на следующем этапе раздела наследства, когда в 1749 году делились соляные промыслы, братья передумали, и каждый соляной промысел разделили на три относительно равные части. При этом было принято решение, которое на следующие сто лет стало поводом для многочисленных разбирательств. Так, было оговорено, что пользоваться лесами по реке Чусовой для заготовки дров, необходимых для солеварения в Чусовских промыслах, могут все владельцы, несмотря на то что принадлежат они старшему брату. На этом основании младшие братья даже противились построению Кусье-Александровского завода, мотивируя это тем, что это затруднит заготовку дров.

И если средний брат писал «братцу Александру Григорьевичу» свои опасения в очень вежливых и осторожных выражениях: *«Вы имеете намерение строить железный завод по Чусовой реке в лесных угодьях которые по силе нашего раздела утверждено было оставить для общего чусовских соляных промыслов употребления»*⁴, то своему приказчику им было велено *«иметь смотрительство»* и писать жалобы и доносы горному и солянному начальству, но осторожно, чтобы *«в явную ссору не вступить и безславия к тому не нажить»*⁵.

Поэтому уже после смерти Александра Григорьевича строительству Архангело-Пашийского завода противились другие наследники Григория Строганова и частично выкупившие доли в наследстве дворяне Лазаревы и Всеволожские. К тому же с севера будущие заводские земли граничили с землями других наследников, и точных границ владений установлено не было.

Да и между наследниками Александра Строганова изначально не было согласия. Против построения завода высказались Шаховские, за представителя которого, князя Бориса Георгиевича, вышла замуж вторая дочь Александра Григорьевича Строганова — Варвара. Они претендовали на часть земель будущей заводской дачи⁶. Хотя земли будущего завода и принадлежали Александру Григорьевичу Строганову и подлежали разделу между его дочерьми, но до 1784 года они не были размежеваны и считались общим владением.

Однако через некоторое время сестры и их мужья договорились и объединили свои усилия. Совместно отбив претензии других наследников, они подали прошения на строительство Лысьвенского (Шаховские) и Архангело-Пашийского (Голицыны) заводов. Параллельно шел процесс межевания лесов между этими двумя владельцами и отнесением их к той или иной заводской даче. Процесс этот был затруднен тем, что все села, доставшиеся в наследство, так же как и Кусье-Александровский завод, были разделены пополам. Даже управление этими двумя вотчинами осуществляли вотчинные правления, располагавшиеся в одном и том же селе Верхомулинском⁷.

К удовольствию сторон, к 1785 году прошения были удовлетворены и разрешения на строительство со стороны Берг-коллегии⁸ были получены. Соответствующие бумаги должны были быть оформлены на месте Пермской казенной палатой.

⁴ РГАДА: ф. 1278, оп 2, д. 3343, л. 5.

⁵ Там же, л. 7.

⁶ Заводская дача — территория, принадлежавшая заводу, на территории которой находились заводские рудники и рос лес, используемый для углежжения.

⁷ В дальнейшем называлось Верхние Муллы, в настоящее время район города Перми.

⁸ Название министерства, ведавшего в XVIII веке горнорудной промышленностью

Глава 1. Начало

Весна 1785 года для пермского правления вотчин князя Голицына была очень беспокойная. Официальное прошение губернским властям на строительство Архангело-Пашийского завода было подано 1 апреля, но не было и малейших сомнений в положительном решении, так как они должны были просто подтвердить решение Берг-коллегии. Поэтому, не дожидаясь получения разрешения Пермской казенной палаты, начались приготовления.

Первым, еще в апреле, на место будущей стройки выехал управляющий Пермскими вотчинами Иван Иванович Варокин. Зимой он уже был здесь с плотинным мастером государственного завода Казанцовым и уездным землемером Клепининым. Они осмотрели место постройки будущего завода на слиянии рек Пашии и Вижая и сделали вывод о пригодности реки и необходимости повторного осмотра в весеннее половодье для уточнения расчета параметров пруда и будущей плотины. Объем заводского пруда должен был обеспечить водной энергией планируемые к постройке две домны и кричное⁹ производство. Зимой был сделан предварительный расчет необходимых материальных и людских ресурсов. Так, по их прикидкам для строительства, например, заводской плотины необходимо было 6700 человеко-дней, а стоимость всего строительства завода была оценена в 9601 рублей¹⁰.

На место Иван Иванович прибыл 8 апреля, за неделю до прибытия первых строителей и расположился на ближайшем к стройке Тончихинском руднике. В письме от 11 апреля он пишет, что никого из крестьян, назначенных к работе, на стройке еще нет, но уже со следующего дня начали прибывать строители. *«Работников всех с 11 по 14 число явилось разных сел, а именно Калининских сто шесть, Камасинских тридцать пять, Троицких девяносто шесть, Сергиенских шестьдесят четыре, Чусовских десять, Верхомулинских сто девяносто восемь, всего пятсот восемь человек»*¹¹.

Началась рубка леса, расчистка участков, устройство землянок для временного жилья. Были выделены работники для *«битья печей для печения хлебов»*. Припасы и камень для закладки фундаментов на 50 подводах были доставлены из Кусье-Александровского завода. С доставкой спешили, чтобы успеть до весенней распутицы. Дорог еще не было, а замерзшие Вижай и многочисленные ручьи еще позволяли проехать санной подводе. После доставки припасов возчики были отпущены по домам, так как санные подводы стали уже негодны для перевозки грузов. Следующая доставка продовольствия предполагалась уже из села Верхомулинского водным путем после вскрытия рек.

18 апреля, назначив заводским приказчиком Матвея Митянина¹², оставив его за старшего на стройке и отдав ему необходимые распоряжения, Варокин отправился назад в главную контору. Надо было заниматься организацией поставки на завод рабочей силы. На стройку собирали крестьян со всех сел уральского поместья. Уже в пути Варокин встретил бригады каменщиков и плотников, направлявшихся на стройку из Нытвы.

Не обошлось без неприятностей. Умер плотинный мастер Герасим Шайдуров — человек, ответственный за расчет и последующее возведение заводской плотины. По запросу Варокина Пермское горное начальство выделило на месяц опытного мастера, и проблема была решена.

Место стройки лежало достаточно далеко от обжитых мест. Добираться туда от ближайших сел Калино и Камасино можно было только по извилистым рекам Вижаю и Вильве. Летом

⁹ Производство железа.

¹⁰ ГИМ ОПИ: ф. 14, оп. 1, д. 334, л. 79.

¹¹ ГИМ ОПИ: ф. 14, оп. 1, д. 336, л. 189.

¹² Там же, л. 276.

водным путем, а зимой на санных повозках. Поэтому остро встал вопрос о летнем сухопутном пути.

В мае приказчику Митянину поступает приказ о том, что надо сделать три дороги: с Чусовой, с Кусье-Александровского завода и с Тесовских рудников. Людей не хватало, поэтому в приказе было и определено, что и как надо делать: *«Взять 50 человек Калининских и Камасинских стариков и недорослей и править дорогу, делать мосты через реки и логи и делать мосты вместо слегов, чтобы дорога была на телегах проезжаема»*¹³.

Первой и главной задачей оставалось возведение плотины — будущего источника энергии для работы завода. Это требовало длительной подготовки. Надо было очистить от леса дно будущего заводского пруда, укрепить берега, углубить котлован, заготовить бревна, камни и глину для самой плотины.

Вот подготовительные работы закончились, и *«За помощью божией вчерашнего числа то есть в 17 день сего месяца по утру отправя на месте плотины при собрании всего народа под освящение и молебен о здравии их сиятельств милостливых государей наших с приличною на созидание молитвою приступлено было к пронятию каналов сильною рукою так, что к вечеру и заложили все главные четыре свинки»*¹⁴. Завершался рапорт фразой: *«...и следовательно с этого числа началась и происходит рубка настоящего заводского строения, при котором плотников находится 60 человек»*. В наши дни в календаре поселка Пашии появляется еще одна памятная дата — 17 июня 1785 года, день закладки Архангело-Пашийского завода.

Оставив филологам разбираться с выражением *«сильной рукою»*, хочется отметить, что упомянутые *«свинки»* — это бревенчатые квадратные башни, засыпаемые песком, установленные по берегам речки Пашии и ограничивающие будущий *«прорез»* — место в плотине, где выходила вода, направляемая дальше в *«лари»*, на лопасти водных колес. Дальше от каждого из берегов до свинок возводилась насыпь, формируя дамбу — берег будущего заводского пруда. А затем створ между свинками перекрывался бревнами, и запруженная река начинала разливать, образуя заводской пруд.

Конечно, упомянутые выше 60 плотников были далеко не все строители. Всего на стройке в это время работал 571 человек. Интересно, что в документах того времени они назывались по-военному: 86 человек конницы и 485 человек пехоты. Работ было много. Основная масса работников — 130 человек — занимались земляными работами на будущей дамбе. Конница возила строевой лес.

Вторая по важности работа — это строительство доменной печи, даже еще не строительство, а подготовительные работы — сооружение сарая для делания и складирования кирпича, добыча бутового камня для фундамента и выкладки стен. Кроме крестьян, привлеченных к черновой работе, требовались и носители профессиональных знаний. Поэтому еще в конце мая для кладки домны за препровождением служителя Егора Колмогорова отправляются с Нытвенского завода Иван Заякин, Сидор Худяков, Сафрон Устюгов, Сидор Наугольных и Михайло Першин.

Каждый день на стройку прибывали новые крестьяне. Отмечались, располагались на новом месте и тут же наряжались на работы. Каждое утро начиналось с переключки и распределения по работам, а каждый вечер тоже заканчивался переключкой. В преддверии предстоящей зимы требовалось еще и построить жилье, поэтому часть работников была занята на обустройстве землянок и строительстве бараков и первых деревянных домов.

Начало июля выдалось жарким, и это совсем не помогало работам. Шедший из Верхомулинского села караван с продовольствием из восемнадцати лодок из-за обмеления Вижая не смог дойти до стройки, пришлось конницу вместо возки строительного материала отправлять

¹³ Там же, л. 354.

¹⁴ Там же, л. 434 — 435 об.

на вывоз продовольствия. *«В жару, которая длится уже много дней подряд начался падеж лошадей в следствие у них запора и вздутия живота, предполагаю, что это от поения их водой которая холодная и сильно минеральная»*¹⁵ — докладывали в правление о следующем происшествии.

Но июльская жара к середине месяца сменилась проливными дождями, и это принесло новые проблемы. *«Непостоянный климат здешний немного дозволил нам пользоваться благополучною погодой, ибо с 17 числа сего месяца опять начали перепадать дожди и останав- ливать земляную работу. А вчерашние сутки почти без утеху с пресильною грозою лил и так землю растворил что сего дня и приступит к оной способу не было»*¹⁶. Непогода продолжа- ется. Первого августа рапортовали: *«Работы по насыпке плотины встали. Крестьяне не могут выполнить нормы и стали проситься отпустить их в дома свои»*¹⁷.

Тут стоит сказать несколько слов о существовавшем в то время порядке. С одной сто- роны, существовавший крепостной строй определял его, и все работники были собствен- стью князей Голицыных, но с другой стороны, все обязанности крестьян были расписаны и было практически невозможно насильно заставить крестьян работать непрерывно на стройке. Вне зависимости от необходимости работы на строительстве нового завода крестьяне отпра- влялись на отработку барщины несколько раз в год. Работа эта была нормирована и заключалась в рубке дров, жжению угля, работе в каменоломнях и на рудниках, перевозке чугуна и руды. И точно так же для выполнения этих работ крестьяне отправлялись порой за сотню верст от дома, жили зимой в землянках, сооруженных около рудников или лесных участков.

Поэтому большой разницы для работавших на стройке крестьян не было. Грузил ли он и потом возил на подводе руду с дальнего рудника или возил грунт для плотины нового завода — он отработывал свои трудовые дни на барщине. Но крестьяне знали свою норму, и не было никакого для них резона оставаться на стройке сверх нормы. Если они видели несправедливость по отношению к ним — они проявляли свой протест привычным способом — ногами, самовольно отправляясь домой.

Летом 1785 года для усиления надзора за стройкой в главное правление в село Верхо- мулинское приехал московский управитель Константин Федотович Кокшаров, которому было поручено возглавить всю Пермскую вотчину. Пермский же управитель Иван Варокин был ответственен за стройку, где и провел практически все лето. К августу должна была быть про- изведена замена строителей, но вновь назначенные на стройку крестьяне еще не явились. В начале августа Варокин докладывает, что погода наладилась, и строительство плотины про- должается успешно, но не хватает теперь людей: *«Повседневная оказывается убыль, то есть непрестанно бегут и удержат от того никак невозможно. К тому ж вновь ни из которого села ни конницы, ни пехоты не видно»*¹⁸.

В подтверждение этого он приводит расклад:

- к возке на плотину земли надо 500 конных и 150 пеших, есть 260 конных и 31 пеший;
- к делу мостов плотников надо 100 человек, а есть 12;
- к делу доменных и молотовых ларей плотников надо 50, а никого нет;
- к битью свай двух копров надо 100 человек, а есть 47;
- к чистке места под пруд надо 85 человек, а никого нет.

Осень тоже не радовала погодой. 16 сентября еще боролись с наводнением, вызванным обильными осадками, докладывая: *«А осень почти и неслыханная приводит всех в ужас и в крайнее несостояние продолжать работу. Ибо ни за что приняться нельзя везде вода и*

¹⁵ Там же, л. 520.

¹⁶ Там же, л. 538.

¹⁷ Там же, л. 538.

¹⁸ Там же, л. 578.

грязь. Люди мокнут, зябнут и падают»¹⁹. А уже 29 сентября выпал снег, и начались морозы. Крестьян со стройки вынуждены были отпустить, так как они были без зимней одежды «или сюда так легко что кроме одного рубища ничего на себе не имели»²⁰.

Тем не менее на стройке оставались первые переселенцы. Это была отдельная категория крестьян. В отличие от строителей они переселялись сюда с семьями и навсегда. Тут тоже не стоит думать, что кого конкретно переселить во время крепостного права решалось по приказу владельца или его приказчика. Они только определяли общее количество, а уже конкретных кандидатов на переселение определяла сельская община. Общие рекомендации, конечно, были, но они были и так понятны: «Выбор к переселению желающих или неспособных быть во крестьянстве, то есть балуков²¹ и одноколков²² не имеющих ни пашен, ни покосов»²³. Крестьянскому обществу, платившему налоги и отработывающему барщину по количеству трудоспособных мужчин было выгодно избавляться от членов общества, не приносящих доходов.

Вот, например, как обосновывали «Выбранных по мирскому приговору, ушнненному в сходность предложения управителя Кокшарова по посылаемым из главного правления повеления для переселения»²⁴ крестьян:

— из Чусовских Городков Антон Васильев Тюрнин с семьей: «Из варничных работников и во крестьянстве быть непрочен»;

— из деревни Поповской Яков Козмин Полуплешев с семьей: «Живут с братом в одном доме и по малости пашни быть во крестьянстве не у чего»;

— из деревни «У прорыва» Петр Титов Третьяков с семьей: «За неимуществом и недостатком пашни и покосов коими должен владеть, как и домом другой брат с детьми»;

— из деревни «У речки Боярки» Матвей Семенов Третьяков 21 году с женой: «Женат первый год, дому не имеет к хлебопашеству не прилежен».

Но были и добровольцы. «Явился ко мне крестьянин Григорий Егоров сын Батраков и вызвался к переселению на Архангелопашийский завод»²⁵ писал управитель Кокшаров поручение в правление. В поручении давались указания о снабжении переселенца лошадью и коровой, а поскольку он был квалифицированный работник — плотник, то и в назначении его на соответствующую должность — в помощники к плотинному мастеру.

В сентябре из запланированных к переселению 286 человек явилось 202. Остальные тоже явились, но несколько позже. Ведь к переселению назначали крестьян и из самых дальних уголков вотчины, а дорога занимала много времени. По разным причинам, в первую очередь по здоровью были отпущены назад «в дома свои» 23 человека. Несмотря на полученные инструкции и грозные указания, сельские приказчики вместо «действительных работников» пытались отправить немощных и малолеток. Но были и случаи побега. По концу года бежавшими значилось восемь человек. В отличие от крестьян, работавших на стройке, переселенцы в основном занимались или постройкой изб, или заготовкой для них бревен.

К зиме прибыла и новая партия строителей, уже в зимней одежде. Но зимних работ было явно меньше: валка леса, заготовка дров, постройка деревянных зданий. Жили скученно в землянках. Понятно, что это, а также отсутствие гигиены приводило к многочисленным заболеваниям. К концу зимы 1785 — 1786 года в лагере строителей вспыхнула эпидемия тифа.

¹⁹ Там же, л. 578.

²⁰ Там же, л. 639.

²¹ Баловник, хулиган.

²² .Толкование неоднозначно: возможно, имелся в виду обладатель дома-одноколка — самого простого вида строения, или от «кола» — минимального земельного надела.

²³ Там же, л. 538.

²⁴ ГИМ ОПИ: ф. 14, оп. 1, д. 838, л. 9.

²⁵ ГИМ ОПИ: ф. 14, оп. 1, д. 349, л. 112.

Отправленному на инспекцию стройки приказчику Василию Угольникову предписывалось, не давая знать о себе заводскому приказчику Митянину, по приезду осмотреть больных людей и определить, где они, и сколько их. Для дезинфекции в помещениях, особенно в землянках, где находятся больные, два раза в день *«готовить уксус и им курить»*. Описать больных поименно и готовить еженедельный рапорт. Потребовать с приказчика Митянина объяснение по купленным для кормления детей жителей коров, *«а если не куплены, то подробный рапорт по обстоятельствам»*.

Отдельно поручалось проводить среди крестьян разъяснительную работу: *«В разсуждении больных ходивши за осмотром оных в землянках и прочих местах всем жителям ты, Угольников объявляй что кто бегаёт из вас с Пашии на старые жительства то тех беглецов посланную из Перми командою сыскивать и будут на местах бить плетьюми. А кто не бегаёт об тех господин печется и не только их, а даже не забывает о малолетних их детей и жалуёт разными награждениями как то шьёт платья и даёт достойное пропитание»*²⁶.

Прибыв на завод 3 марта, Угольников осмотрел дома и землянки с больными людьми и констатировал, что приказчик Митянин явно не справлялся с проблемой. *«От конторских начальников присмотр был недостаточный хотя и было курение можжевеловым и пихтою, но редкое, а уксусом не было вообще»*²⁷.

Угольников активно взялся за наведение порядка: *«Истребовал каленые кирпичи немедленно накуривать уксусом. А некоторым обвязывали головы и мочили тряпичами»*. Приказчику Митянину было велено следить за чистотой и курением в домах и землянках, чтобы не было сырости и гнили. Как выяснилось, коровы еще не были куплены, но по распоряжению Угольникова было доставлено три коровы *«с Кузьминского заводу»*.

Понятно, что и эти меры не могли привести к быстрому оздоровлению. Следующая инспекция была уже от губернских властей. Пермского округа земской исправник, капитан Петров сообщал, что при инспекции строящегося завода лекарем Петром Лондом выявлено больных сто четырнадцать человек. Для их лечения он распорядился выделить сумму денег для приобретения пропитания и лекарств. Основными лекарствами были 4 пуда уксуса и 321 пуд *«хорошего солодяного квасу»*.

Выживали не все. С января по май 1786 года умерло 62 человека обоего пола, из которых больше половины были дети и подростки. С точки зрения сегодняшних дней это кажется очень страшным, но надо понимать, что в то время ничего особенного в этом не было. Священник Федор Варушкин, служивший в Камасинской церкви, к приходу которой на тот момент относился строящийся завод, писал: *«Болезни в народе были обыкновенные те же самые что и в других селах. Горячки и лихорадки»*²⁸. Действительно, детская смертность была очень высокой в то время, да и взрослых на стройке умирало не сильно больше, чем во время других подзаводских²⁹ работ.

Не все переселенцы соглашались с постигшей их участью, поэтому случались и побеги с завода, но они не были массовыми явлениями. За десять первых лет с начала строительства завода из почти полутора тысяч переведенных на жительство крестьян, включая женщин и детей, бежавшими значился всего 61 человек.

Весной прибыла новая смена строителей, и работы продолжились. Активно началось домостроение. Дома предполагались для тех будущих работников завода, кто был переведен с семьями и был определен на постоянное проживание и работу на заводе. Им выделяли место

²⁶ РГАДА: ф. 1263, оп. 10, д. 1070, л. 106.

²⁷ Там же, л. 111.

²⁸ Там же, л. 117.

²⁹ Подзаводские работы — рубка леса, пережог угля, добывание и возка руды, выполняемые крестьянами, живущими на селе при обработке барщины.

для застройки, освобождали от заводских строительных работ и даже придавали помощь из числа других крестьян.

Был определен план застройки, который неукоснительно выполнялся. Как губернский город Пермь и многие другие заводские поселения, центральная часть поселка была нарезана продольными и поперечными улицами на кварталы 44 на 68 саженей, в каждом из которых находилось 12 участков под застройку. Покидая завод после посещения летом 1786 года, главный управитель Кокшаров оставил достаточно подробные указания о месте расположения строений и распределения участков под застройку: *«Мнится мне чтоб с плотины вверх к Тончихе улицу вести господским издвением дабы дома как скорее так и порядочнее могли бы выстроится <...> идя с плотины по правую руку место четырех домов занять большим господским домом <...> по левую руку занять 4 дома конторы и приказчиков <...> с четвертого квартала правая сторона должна оставлена быть на место церкви и около оной ограды а левая против оного места приличествует место оставить священо церковнослужителям»³⁰.*

Дома жителей предполагалась располагать по профессиям. Так, например, предписывалось: *«От заводского надзирателя и от запащика³¹ вести улицу по обе стороны кричными мастерами, подмастерьями, работниками слесарными и кузнечными <...> от доменного мастера и двух подмастерьев вести в правую руку улицу одностороннюю³² во-первых доменными двумя подмастерьями затем учениками и работниками»³³.*

Планировка поселка осталась прежней и в наше время, но названий улиц, отражающих профессию их первых жителей, к сожалению, не сохранилось. Да и сами жители впоследствии достаточно быстро перемешались. Так, на плане 1809 года, к которому был приложен перечень жителей с указанием их занятий, уже практически невозможно выделить улицы, населенные работниками одной профессии.

Летом 1786 года, конечно, строились и жилые дома, но несмотря на грозные указания управителя, повелевшего: *«чтобы каждый обустройствающийся житель мог в зиму в своем доме жить»³⁴* — дело продвигалось не очень быстро. Не помогло и без последствий осталось такое грозное распоряжение: *«Отнюдь не слыхал чтоб жители находились в беспокойных балаганах и отчего оицциали нужду, а противном случае я так сделаю что в приказчицию квартиру велю пустить самого последнего жителя, а приказчика выселить в последний балаган»³⁵.* Даже к следующему лету 1787 года, кроме господского и служительских домов, было построено всего 52 дома. Правда, еще 53 дома находились в разной степени готовности.

Но вернемся к лету 1786 года. В июне заводская контора представляла данные о стройке для губернских властей, в которой содержится много интересной информации по строительству. Вот, например: *«При строении сего завода обращаются люди крепостные его сиятельства господина нашего наряженные из вотчинных сел из такой платы которая по выстройке завода положена будет, а государственных и других господ крестьян не имеется»³⁶.* Упомянутая плата — это действительно деньги, которые начислялись переведенным жителям за их труд и присланным на строительство крестьянам за переработки. Но практически на руки они ничего не получали, так как в основном деньги зачитывались в счет выдаваемого продовольствия.

Следующие строки отчета показывали количество людей, трудившихся на тот момент на стройке: *«Для строения сего завода работные люди из вотчинных сел высылаются с переме-*

³⁰ Там же, л. 200.

³¹ Человек, ответственный за закупку и хранение припасов.

³² Имелось в виду не одностороннее движение, а расположение домов только с одной стороны дороги по берегу Вижая.

³³ Там же, л. 200.

³⁴ Там же, л. 201.

³⁵ Там же, л. 201.

³⁶ Там же, л. 125.

нами которые здесь ныне находятся» из Верхомулинского села — 174 человека, из Сергинского села — 99, из Троицкого — 117, из Кишерского села — 69, из Чусовских городков — 37, из Усть-Чусовских деревень — 20, с Нытвенского завода — 70, с Кусье-Александровского завода — 10 человек, итого 596 человек. *«Для будущего заводского действия из вышеперечисленных сел переведено с семьями обоюго пола 318 человек без семейств 36 человек для жития. Некоторые дома себе построили, а другие к таковому строению домов отпущаются и всем оным в воскресные, праздничные и торжественные дни в работе свобода дается»*³⁷.

К осени количество крестьян на стройке еще увеличилось. К этому времени во всех двенадцати имеющихся у Голицына уральских селах с деревнями было 3644 трудоспособных мужчин. Из них на стройке работало 784 человека, к которым предполагалось добавить еще 673 человека. Стояла задача запустить завод в действие в текущем году.

Задача была выполнена: *«Строением начатый в 1785 году с мая месяца во первых плотиною и одной доменной печью что окончилось 1786 года в сентябре месяце и домна на действии пущена того года ноября 23-го»*³⁸. Эта дата известная. Она приводится и Пашийским краеведом Виктором Васильевичем Киреевым, базируясь на полученной из Екатеринбургского архива копии рапорта Пермского управителя Ивана Ивановича Варокина, доверенного князя Голицына.

Хотя на самом деле первая плавка состоялась несколько раньше. Князю Голицыну докладывали: *«Спешу сим всенижайше донести что одна домна наименованная Вознесенскою в действии благополучно пущена 19го числа оногож ноября»*³⁹.

Понятно, что на этом строительство не закончилось. Впереди еще были и строительство второй домны, и множества других цехов, борьба со стихией, могучим весенним половодьем 1787 года, захлестнувшим плотину, но самое главное — завод был запущен и выдал первую порцию чугуна. Памятную доску из этого чугуна с официальной датой запуска домны можно сегодня увидеть в Горнозаводском краеведческом музее.

³⁷ Там же, л. 125.

³⁸ РГАДА: ф. 271, оп. 1, д. 2963, л. 14.

³⁹ ГИМ ОПИ: ф. 14, оп. 1, д. 337, л. 394.

Глава 2. Легенда о создании завода

Любое историческое событие, значимое для людей, непременно обрастает легендами. Рассказы свидетелей и старожилов, многократно пересказанные, что-то теряют в течение времени, обрастают несуществующими деталями, и порой даже становятся совершенно далекими от истинного положения вещей. Не является исключением и история Архангело-Пашийского завода. Известные на сегодняшний день данные позволяют сопоставить правду и вымысел и вычленив из легенды крупинцы достоверной информации.

Учитель мужского народного училища Архангело-Пашийского завода Иван Шулепов 16 мая 1879 года в ответ на запрос директора пермских народных училищ написал и отправил ему обширную справку о своем заведении⁴⁰. В справке содержится много любопытной информации об образовательном процессе в девятнадцатом веке, учениках, преподаваемых предметах, но сейчас речь пойдет не об этом. Тем самым директором в это время был Василий Никифорович Шишонко — известный пермский историк и краевед, автор фундаментального труда «Пермская летопись». Очевидно, зная об увлечении Василия Никифоровича историей и справедливо полагая, что история училища неотделима от истории поселка, в справке приводится не только история создания Архангело-Пашийского народного училища, но и история создания завода. Вернее, не сколько история, сколько легенда, очевидно, передававшаяся поколениями заводского населения. Ведь с момента основания завода к тому времени прошло уже почти сто лет.

Описав в начале документа, каким образом дача Архангело-Пашийского завода оказалась во владении князя Михаила Михайловича Голицына, он пишет: *«До последней четверти прошлого столетия в даче не было никаких поселков, кроме небольших казарм на реке Тончихе в 1 ½ верстах от реки Пашии, для житья рабочим, приходившим добывать руду на Тончихе и сплавливать оную в Нытвенский завод, где была устроена доменная печь. Доставка руды представляла немало затруднений: зимняя перевозка почти за 250 верст стоила громадных издержек, а весенний сплав на плотках по таким быстрым, горным, каменистым рекам, каковы Вежай и Вильва сопряжен был с опасностью жизни и потерей материала. Все это конечно много заботило владельца, Князя Голицына, и надо полагать, присущая мысль и цель его была построить завод вблизи рудных залежей, в местности изобильной лесом; — только недоставало сведущих людей. Но вот они явились, — явились случайно, даже легендарно так как ныне, что не подкреплено письменными документами то относят к области фантазий. — Впрочем рассказ не для исторической критики и не суть дела, потому поведу речь по преданию»*⁴¹.

И дальше в изложении Ивана Шулепова пересказано само предание: *«Основателями Архангело-Пашийского завода были удалы молодцы: атаман Онуфрий Дмитриев Костарев, есаул Матвей Васильев Митянин, летучий ходок Николай Корелин и рядовые Висталин да Григорий Сысоев. Люди эти предводительствовали той шайкой, которая разорила Пыскорский монастырь; — они с награбленным церковным и монастырским достоянием ушли через село Зырянку в вершины реки Яйвы, перейдя Косьву на горах Басегах около реки Усьвы, положили обет не заниматься более вольным промыслом и награбленное церковное имущество, состоящее в золотых и серебряных вещах сложили в одну пещеру на Басегах тщательно оную засыпав камнями, и затем пришли на Тончинский рудник. Тут узнав от иштейгеров о неотложном намерении князя построить завод они вызвались быть одного строителями с этой целью послали летучего ходока Корелина с письмом в село ВерхнеМулинское к управляющему*

⁴⁰ ГАПК: ф. 321, оп. 1, д. 181.

⁴¹ Там же, л. 1 об.

Князя Голицына Ивану Ивановичу Варокину и просили о помиловании себя и разрешении строить завод на реке Пашие при впадении в Везжай»⁴².

Тут Шулепов замечает, что сведений о том, что были ли они крепостными Голицына, сведений нет, но по четвертой ревизии 1782 года они показаны за князем. Странное примечание, так как наличие их в ревизии однозначно говорит о том, что были они крепостными Голицыных. Увы, материалы четвертой ревизии не сохранились до наших дней, но сохранились последующие, по которым можно отследить судьбу как минимум двоих героев легенды. Но повествование продолжается: *«Рад был Иван Иванович таким благожелателям и не прими-нул донести владельцу — разрешение последовало скоро. Митянину поручено строить завод, с званием приказчика, Костареву руду искать, а прочим поручено им помогать. В 1786 году завод открыт при одной доменной печи, называемой „Митянинской“ существующей доньне и действующей, — а Костарев прославился открытием многих рудников»⁴³.*

Судя по всему, автор с пиететом относился к первому заводскому приказчику, приписывая ему разнообразные заслуги. В частности, он пишет: *«К чести и памяти основателя завода Матвея Васильевича Митянина должно отнести то, что он при населении завода крестьянами из разных сел, не допустил укороения расколу. Следовательно он не чужд был современного образования, для чего настоял обучать чтению и письму служительских детей в особой комнате при канторе, под надзором сперва сосланного одного из адъютантов императора Петра III потом других дворовых и затем под наблюдением артиллерийских офицеров, приемщиков снарядов в годину до нашествия французов. Деятелями были тогда майор Иван Иванович фон Крамер и поручик Белкович»⁴⁴.*

Дальше излагалась уже история построения собственно школы с восхвалением владельца завода — князя Голицына и главного управляющий Пермским именем Петра Карповича Иванова, в период управления которого с 1822 по 1854 год и было основано училище. В конце повествования прилагался «эпилог», повествующий о дальнейшей судьбе всех упомянутых в повествовании, включая и персонажей легенды.

«Приказчик Матвей Васильевич Митянин за долговременную службу был переведен в 1817 году Членом Нытвенского правления. Горный смотритель Онуфрий Васильевич Костарев⁴⁵ скончался в Пашие. Висталин на старости переселился на устье Вильвы и в двух верстах от онога на ключе построил мельницу „Висталинку“. А Корелин и Сысоев дожили свой век пенсионерами»⁴⁶.

Понятно, что это легенда, и далека она от действительности. Сам автор делает такую оговорку. Тем не менее интересно взглянуть на описываемые события и ее героев, обладая современными знаниями об истории завода.

Основатели завода преподнесены как лихие люди, ограбившие Пыскорский монастырь, который действительно был легендарным местом. Основанный Строгановыми в Пыскоре еще в 1570 году и славящийся своей историей и богатством, к описываемому в легенде периоду уже утратил свое прежнее значение. Из-за размытия водами Камы берега, на котором он стоял, монастырь в 1758 году уже был перенесен из Пыскора на новое место. Но и там неумело возведенные постройки долго не простояли, и в 1775 году братия монастыря была переведена в заштатный Соликамский Вознесенский мужской монастырь, который после этого получил звание ставропигиальный⁴⁷ Соликамский Пыскорский. Возможно, факт его ограбления и

⁴² Там же, л. 2.

⁴³ Там же, л. 3.

⁴⁴ Там же, л. 3 об.

⁴⁵ Так в тексте, выше был Онуфрей Дмитриев Костарев.

⁴⁶ Там же, л. 3.

⁴⁷ Статус монастыря, указывающий на его прямое подчинение центральным церковным органам, а не местным.

послужил основой легенды. Монастырь действительно подвергался нападениям злоумышленников, так в 1771 году несколько вооруженных разбойников ограбили бывшего архимандрита Амвросия. Следующим громким было ограбление 1793 года, закончившееся гибелью настоятеля монастыря архимандрита Иакинфа. Но в тот же год все члены шайки, бывшими крестьянами все той же Пыскорской волости, были пойманы. Это ограбление было явно позже, но слухи об ограблении постепенно распространялись и приукрашивались, поэтому легко могли оказаться в легенде, созданной явно уже через много лет после этого события. У монастыря существует и другая связь с Пашийским заводом. Дело в том, что убитый архимандрит Иакинф находился в добрых и, можно даже сказать, дружеских отношениях с Иваном Варокиным — управителем Пермских вотчин Голицыных. До наших дней сохранился достаточно увесистый том их переписки⁴⁸, из которой следует, что Иакинф передавал часть монастырских икон и утвари на оснащение построенной в 1790 году церкви Пашийского завода. Вероятно, на заводе было известно, что часть икон в церкви имели происхождение из Пыскорского монастыря, что и послужило дополнительным основанием для легенды.

Любопытно, что в легенде отражена реальная причина строительства завода, но тут же приводится и надуманная проблема его строительства. Понятно, что в реальности планирование постройки завода заняло очень продолжительный период, и основной проблемой для Голицыных было разрешение многочисленных тяжб с соседями по поводу межевания заводской дачи и получение разрешения от правительства, а отнюдь не отсутствие сведущих людей.

Что же касается персоналий, описанных в легенде, то все они действительно реальные лица. Онуфрий Дмитриев сын Костарев не был лихим атаманом, а работал штейгером на Кузье-Александровском заводе и действительно занимался изысканиями руд. Оттуда он и был переведен на Архангело-Пашийский завод, куда и прибыл в числе самых первых поселенцев 23 марта 1785 года. На Пашийском заводе он проработал старшим штейгером и умер в 1818 году, дожив до преклонного возраста, но судя по архивным данным, не оставил после себя потомства.

Матвей Митянин — это тоже совершенно реальный заводской приказчик, назначенный на свою должность, как было сказано в предыдущей главе, с первого года строительства. Но роль его в постройке завода была более чем скромная. Дело в том, что строительство завода шло под непрерывным надзором как управителя Пермскими вотчинами Ивана Ивановича Варокина, так и московского управителя Константина Федотовича Кокшарова, которые уделяли строительству много времени и были реальными руководителями стройки.

Первая заводская домна именовалась Вознесенской, вторая — Архангельской, но не исключено, что среди заводского населения бытовало название и «Митянинская». Вполне возможно, что источником слухов о разбойничьем прошлом были сами Митянин и Костарев, желавшие таким образом получить большее уважение и внушить страх своим подчиненным.

Подтверждения о преподавании в школе артиллерийскими офицерами найти не удалось, а вот учителем письма долгие годы был вовсе не мифический адъютант Петра Третьего, а переведенный в 1786 году из Верхомулинского села Яков Иванович Рябов. Да и заслуги Митянина в организации обучения, судя по всему, не было. О своей работе Яков Иванович уже на следующий год после ее начала докладывал непосредственно Ивану Варокину, а через несколько лет управитель Константин Кокшаров дает подробные письменные указания как, кого и чему должны обучать в заводской школе.

С рядовыми членами «шайки» немного сложнее. В легенде нет указания имени рядового Висталина. Хотя эта фамилия часто встречается в документах Нытвенского завода того времени, но человека с такой фамилией нет среди переселенцев. В 1785 году в списке работников, занимавшихся кладкой домны, находится Иван Висталин из села Верхомулинского и

⁴⁸ ГИМ ОПИ: ф. 14, оп. 1, д. 848.

Григорий Висталин из Нытвенского завода. Скорее всего, персонажем из легенды был Иван Висталин, так как именно он в 1806 году числится мельником в деревне Бурсун села Калино, совсем недалеко от устья реки Вильвы. Только вот мельницу он не строил, а был работником при хозяйской мельнице.

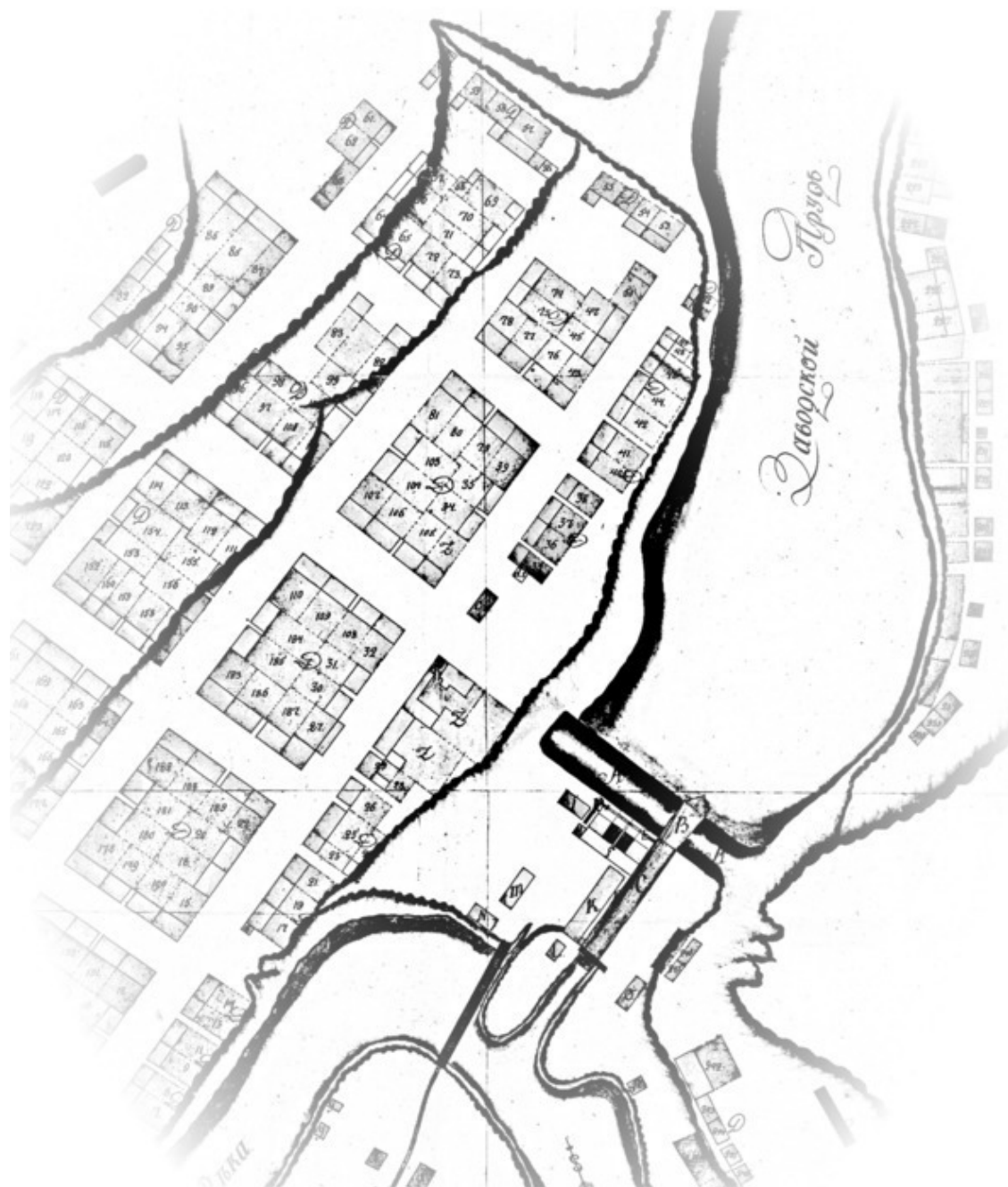
Фамилия Корелин тоже находится в документах. В числе первых поселенцев был Михаил Иванович Корелин из Чусовских городков и два его сына — Федор большой и Федор малый. Был ли он тем самым Николаем Корелиным из легенды, неизвестно, но других Корелиных на заводе в то время не было. А вот фамилия Сысоев встречается только среди сельских крепостных крестьян, среди поселенцев Архангело-Пашийского завода таких не было. Но на заводе они явно бывали. Крестьяне Сысоевы жили в селе Верхомулинском и отбывали барщину на Архангело-Пашийском заводе, занимаясь заготовкой дров и пережогом их на древесный уголь.

Другую версию этой легенды, гораздо более краткую, приводит Виктор Васильевич Киреев. В своей рукописи «История Архангело-Пашийского завода»⁴⁹ он пишет: *«Среди старожилов Пашийского завода можно слышать, что первым поселенцем в районе ближайшем к заводу был некий Митянин, сподвижник Пугачева, скрывававшийся некоторое время в лесе этого района с некоторым количеством повстанцев. Митянин, как говорит молва, был выходцем из дворянского не то из духовного сословия и был грамотным человеком. Большая доля залежей руды в районе будущего завода принадлежит ему и сейчас еще один из заброшенных рудников в верховьях реки Тесовой близ Зыковского носит название Митянинский — по преданию его первое поселение. О своих открытиях Митянин сообщил Голицыну, при ходатайстве которого получил помилование, а при постройке завода был первым приказчиком Голицына».*

Тут Митянин не предводитель шайки, а беглый сподвижник Пугачева. И не домна называлась его именем, а рудник. Но увы, и это мало похоже на правду. Начиная с 1780 года и до переезда на строительство Архангело-Пашийского завода Матвей Васильевич Митянин с женой Варварой Степановной числится в дворовых служителях Нытвенского завода. А отец его *Василей* Иванов и дед Иван Григорьев Митянин были переведены в дворовые служители в село Верхомулинское из Чусовских верхних городков после того, как по разделу Строгановского наследства достались во владение дочери Александра Строганова Анне и ее мужу Михаилу Голицыну. По состоянию на 1800 год ни один из известных на то время 47 рудников и железных приисков не назывался «Митянинский».

Увы, содержание легенд, даже основанных на реальных фамилиях, имеют мало чего общего с тем, что происходило на самом деле. С другой стороны, и письменные источники, дошедшие до наших дней, тоже не являются безупречным источником информации, ведь люди, которые их писали, тоже могли ошибаться или выдавать желаемое за действительное. Но все равно — и то и другое делают далекую историю немного ближе к нам, дают прекрасный повод подумать о наших предках и даже немного «пощупать» историю руками.

⁴⁹ ГАПК: ф. Р-790, оп. 1, д. 1097, л. 9 — 8.

Глава 3. Строительство поселка

Известно, что на Урале словом «завод» обозначалось как само производство, так и поселение при нем. Но как строилось само поселение и что оно из себя представляло? В первой главе уже было сказано, что своей планировкой, сохранившейся до наших дней, завод обязан предписанию управителя Кокшарова. В архивных документах находятся и другие документы, свидетельствующие об истории застройки. В объемном документе, названом «Материалы о крестьянах, переведенных на Архангело-Пашийский завод», есть «*Ведомость о поселянных и кто именно теперь здесь находится кто живет в домах и строят ли дома и построят ли к заморозку*»⁵⁰. Ведомость датирована 13 сентября 1786 года. Это всего за два месяца от запуска в работу первой заводской домны. Уже прошла первая зима, проведенная строителями в землянках. На заводе, кроме строителей, уже находятся его будущие работники, перемещенные из разных сел голицынских владений. В составе переселенцев представители заводской администрации: один приказчик, четверо подьячих, один *запашник*, десять служителей. Остальные обозначены как «*заводские поселяне*». На этот момент учтено уже было 78 домов, из которых: «*Живут — 24 дома, строят и зимой жить переедут — 21 дом, балаганов в коиx без нужды зиму прожить можно — 16 домов, негодных зимой жить невозможно — 18 домов*»⁵¹. Оставим на совести писца один получившийся лишний дом, но видно, что уже к моменту пуска завода в поселке было более шестидесяти жилых домов.

Рубленные деревянные дома, которые строили в то время, несколько отличались от известных нам нынешних деревянных построек. Первое отличие — это окна. Окна были волоковые — узкие щели высотой в одно или два бревна, которые легко можно было наглухо закрыть задвижкой в холодное время года. Второе отличие — это то, что жилые помещения в основном топились «по-черному», печки были только у самых зажиточных жителей. И наконец, то, что в домах не было потолка и, соответственно, чердака. Изнутри помещения было видно устройство крыши: на тонких бревнах лежал слой бересты для гидроизоляции и снаружи осиновая дранка. Естественно, что изба не была единственной постройкой. Двор окружали и другие: «*анбар*» для хранения запасов, хлев для домашнего скота, иногда конюшня и баня. На приусадебном участке располагался неизменный огород, ведь именно с Уральских заводов приусадебные огороды распространились по всей России.

Следующая ведомость, составленная менее чем через год⁵², 25 июня 1787 года, показывает значительный прирост. Уже построен господский дом «*о восьми комнатах*», который предназначен для проживания приезжающих на завод высоких гостей, дом приказчика, восемь домов служителей и восемь домов подьячих, к числу которых почему-то отнесены плотинный Марков, «*запашник*» Саломатов, меховой мастер Ощепков.

У жителей уже готовы 52 дома, в том числе дома Ивана Костарева, Абрама Рябова, Осипа Костарева, Лариона Колыхматова, Алексея Шадрина, Лариона Стерлягова, Леонтия Шардина. Рубятся в стопы и поднимаются еще 23 дома, а еще для 30 уже заготовлены бревна.

В первой главе уже говорилось об отданных Константином Кокшаровым распоряжениях по планировке поселка, но тут можно рассказать о них подробнее. Кроме определения главной улицы поселка «*с плотины вверх к тончиче*» (нынешняя улица Ленина), и заботы о ее приличном виде («*улицу вести господским иждевением*»), на ней сразу был определен квартал под будущую церковь. «*Я словесно сей канторе довольно уже твердил а и с четвертого кварталу*

⁵⁰ ОПИ ГИМ: ф. 14, оп. 1, д. 838, л. 90.

⁵¹ Там же.

⁵² ОПИ ГИМ: ф. 14, оп. 1, д. 775, л. 136 — 138.

правая сторона должна оставлена быть на место церкви и около оной ограды а левая против одного места приличествует место оставить священо церковнослужителям»⁵³.

Вторая главная улица (современная ул. Свободы) — *«От господского большего дома направо вверх по нашии улицу старайся наполнять также хорошими домами а особливо не будут ли из сел прожиточные крестьяне селится для переторжки по заводу на первый случай»⁵⁴.*

Дом плотинного мастера находился на том месте, где сейчас Пашийская улица утыкается в улицу Свободы, а на отходящей от него нынешней Красноармейской улице велено было селить плотинных и меховых учеников и плотников. На следующей улице (нынешней Гоголя) *«вести улицу по обе стороны кричными мастерами подмастерьями работниками слесарными и кузнечными»⁵⁵.*

Место проживания куренных мастеров сразу предполагало и соответствующее название улицы: *«От куренициков в левую сторону двумя ж куреницика учениками и работниками кои прочится должны к куренной то есть к дровяной и угольной работе. Следовательно и сия улица может назваться по сему званию как приличествовать будет»⁵⁶.*

Продолжалось и строительство общественных и заводских помещений, инженерных сооружений. Основными постройками к этому времени были вторая домна и кричная фабрика, построенные в 1788 году. К осени 1789 года появился мост через реку Вижай, часовня на берегу Вижая, здание заводской конторы, двухэтажный «анбар» — склад готовой продукции⁵⁷. Велись работы по укреплению плотины, поставлена крыша (сарай) над плотинным «прорезом», улучшались дороги.

Но работников на заводе уже явно не хватало. Иван Варокин, который провел на заводе лето 1790 года, рапортовал, что *«Комплект при заводе жителей весьма недостаточен. Часть работ не делается, а другие делаются очень медленно. Нет запасных ни мастеров, ни подмастерьев, а в ученики уже и выбрать не из кого»⁵⁸.*

И вот после 1791 года население завода опять стало существенно прирастать. Если в 1789 — 1890 годах на завод приезжало лишь по дюжине новых жителей, то в 1792 году уже 35, а в 1793 году 89 переселенцев. Это вызвало следующую волну домостроения.

Управитель Кокшаров констатировал: *«К прежнему числу переселенцев 26 октября 1792 года надеюсь еще знатное количество крестьян из разных сел переведено в жители»⁵⁹.* В своих распоряжениях по приему переселенцев он непременно указывал на необходимость их обустройства на новом месте. Так, например, распоряжаясь о переводе из Нытвенского завода трех кричных мастеров, он указывал необходимость обеспечения их временным жильем и велел поощрять их к строительству своих домов, не упуская время, когда заводская их работа еще не началась: *«Пока воды мало и молотовая простаивает»⁶⁰.*

Издавна на селе был обычай организовывать «помочи». Соседи и односельчане приходили помочь выполнить какую-нибудь серьезную разовую работу. После выполнения работы тот, кто звал помощников, выставлял угощение всем помогавшим. Управитель позаботился и об этом: *«для чего если нужны им будут помочи то на оныя солод и протчие по мере надоб-*

⁵³ РГАДА: ф. 1263, оп. 10, д. 1070, л. 200.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ ОПИ ГИМ: ф. 14, оп. 1, д. 334, д. 328 — 329 об.

⁵⁸ ОПИ ГИМ: ф. 14, оп. 1, д. 778, л. 274 — 279.

⁵⁹ РГАДА: ф. 1263, оп. 10, д. 1607, л. 15.

⁶⁰ Там же.

ности выдавать»⁶¹. Несмотря на такую заботу, альтруизма тут было мало, так как выданные припасы было велено «записывать под их статьи в число будущих их заработок»⁶².

Для прибывающих поселенцев было велено отвести новые места для заселения и особенно заполнить кварталы около церкви. Хотя церковь и начали уже строить, кварталы в районе нынешних улиц Пролетарской, Лядова, Трудовой оставались не застроенными.

Через 15 лет после начала стройки заводские приказчики делают два описания поселка. Первое касается уже построенной, но не завершенной церкви, второе — заводских построек. Про церковь речь пойдет дальше, а вот описание заводских построек, сделанное на месяц позже, в феврале 1800 года, дает некоторое представление о том, что было в поселке, кроме домов заводских жителей. Собственно, это не только подсобные помещения самого завода, а перечень построек, сделанных, в том числе владельцами завода, для организации работы и жизни поселка, озаглавленные «*Строения Архангело-Пашийского завода*»⁶³. Всего описано 46 построек, среди которых есть, выражаясь современным языком, заводоуправление и гостиница:

«Контора 12 на 6 сажней 8 комнат 6 печей, при ней анбар с погребом, дом выстроенный для приезда разного звания чинов, горенка с банею при нем, при нем же флигель и анбар с погребом».

Три дома служителей церкви: «*Дом называемый священнической 6 на 4 сажени и дом называемый диаконской*». При каждом из них был флигель с избой и баней и амбар с погребом и конюшней. А вот третий, похоже, использовался не по назначению: «*Дом называемый пономарский состоящей напротив конторы на углу занимает служитель кузнецов*».

Вообще, в перечне находится целый ряд служительских домов, которые, судя по всему, использовались в качестве того, что в наши дни называется «служебное жилье». То есть представляются во временное пользование тому или иному специалисту, приехавшему работать на заводе. Они достаточно однотипные, но один из них заслуживает отдельного упоминания: «*Взятый по перемещению в село верхомулинское от повьтчика ⁶⁴ александра косиченкова 8 на 3 сажени дом, две комнаты, две печи. При нем анбар с погребом конюшней и баней*». Дом использовался не только под жилье. Одну комнату занимал житель Родион Рожков, а вот другая была занята под училище мальчиков.

Описано несколько складских помещений:

«Магазейный анбар за рекой для хлебных припасов двуэтажный 10 на 5 сажней»;

«Магазейный анбар железных припасов напротив через дорогу»;

«Магазейный анбар на выезде из завода (занимается содержанием выкованного при здешнем заводе разного сорту железа)».

Хлебные припасы в виде муки и зерна, являвшиеся основными продуктами питания, завозились на завод нечасто, поэтому места для хранения требовалось много.

Кроме них, описан еще ряд производственных помещений, включая пять кузниц, две конюшни, «*Выстроенный на горе за церковью 15 на 6 сажней*» барак, где размещались лакированная и слесарные фабрики⁶⁵, меховая⁶⁶ фабрика 15 на 5 сажней. Два сарая — кирпичное производство, заведенное для строительства каменной церкви и заводских корпусов: «*Сарай для деланья кирпича*» и «*Сарай для хранения обожженного кирпича*».

Список продолжали три «общественных» помещения:

⁶¹ Там же.

⁶² Там же.

⁶³ РГАДА: ф. 1263, оп. 10, д. 1633.

⁶⁴ Руководитель подразделения в канцелярии.

⁶⁵ Фабрикой в то время назывался заводской цех или подсобное производство.

⁶⁶ Это не про выделку меха, а про изготовление и починку мехов, которыми нагонялся воздух в домну.

«Баня выстроенная господским же коштом⁶⁷ 5 на 5 саженей»;

«Для лечения людей болница 7 и ½ на 3 сажени»;

«Дом для ночлегу разного чина людей в 19 верстах по Камасинской дороге, при нем анбар и конюшня с хлевами 13 на 4 сажени».

В том же году была составлена ведомость о господских и служительских домах, в которой указано количество печей и подсчитывалось потребное количество дров для их отопления⁶⁸. Самое большое количество было в большом господском доме, используемом как гостиница для приезжающих на завод членов правления, губернских чинов и прочих уважаемых людей. В нем, как и в здании слесарно-лакировальной фабрики, было восемь печей. Вся церковь отапливалась четырьмя печами как, впрочем, и гораздо меньший по размерам дом приказчика. В доме священника было три печи, а в заводской конторе — шесть.

Сами заводские строения тоже были описаны в документе *«Обстоятельное сведение учиненное 1800 года в январе⁶⁹ месяце»⁷⁰*. О заводской плотине было сказано, что два года вместо обветшалой деревянной «слани» выкладывается она «каменной кладкою». Прорез⁷¹ расположен в середине плотины, укреплен бревнами, имеет шесть «отделений или запоров». Доменные корпуса сложены из кирпича, под фундамент земля расчищена до настоящего грунта, а потом набиты сваи сплошные, а в окончании корпусов «складены» трубы, которые начинаются у задней стены фундамента.

Доменные печи с лицевой стороны обнесены стенами 25 на 14 сажень, под фундамент которых набиты сваи. Два водяных колеса, укрыты деревянными чехлами, предохраняющими их от замерзания зимой. При Вознесенской домне высотой 6 аршин, а при Архангельской домне 6 ½ аршин.

К этому времени были приведены в порядок и пути сообщения. В составленной в январе 1801 года ведомости о дорогах⁷² значились дорога на Кусье-Александровский завод, длиною двадцать верст и дорога до села Калина, длиною сорок три версты. Начало обеих дорог было общим от моста, построенного через Вижай. Нынешняя улица Максима Горького вела в Кусье-Александровский завод, а отходящая от нее в настоящее время дорога к камню Большие Воронки продолжалась далее до деревни Всесвятская и далее на Калино. В деревне Всесвятской (в наше время деревня Половинка) сходились дороги в Калино из Кусье-Александровского и Архангело-Пашийского заводов.

Альтернативный маршрут до села Калина был санный. Расстояние по нему от Архангело-Пашийского завода было 97 верст по замерзшим рекам Чусовой, Усьве, Вильве и Вижаю. Собственно говоря, он использовался и весной, когда сплавляли плоты и баржи с чугуном, и летом, когда доставляли продовольствие на завод: *«Тем трактом воска бывает нередкость и по летним временем в лотках⁷³ когда случается вести припасы»*. Но в этом случае грузы поднимали против течения и нередко приходилось выгружать на полпути барки, бывшие не в состоянии преодолеть обмелевший по летнему времени Вижай.

В 1804 году директор Пермской гимназии Никита Савич Попов, пользуясь протекцией пермского же губернатора, издает классический труд «Хозяйственное описание Пермской губернии»⁷⁴. В свое время эта книга слыла лучшим описанием губернии в России, да и немуд-

⁶⁷ За господский счет.

⁶⁸ РГАДА: ф. 1263, оп. 10, д. 1635.

⁶⁹ Январе.

⁷⁰ РГАДА: ф. 1263, оп. 10, д. 1634, л. 1.

⁷¹ Отверстие в плотине, через которое вода подавалась на водяные колеса, приводящие в движение заводские механизмы.

⁷² ОПИ ГИМ: ф. 14, оп. 1, д. 363, л. 2.

⁷³ Лодках.

⁷⁴ Попов Н. С. Хозяйственное описание Пермской губернии по гражданскому и естественному ее состоянию в отношении к земледелию, многочисленным рудным заводам, промышленности и домоводству, сочиненное по начертанию Императорского

рено, так как автор в двух томах своего сочинения дал подробное описание не только всех мало-мальски значимых мест губернии, не только подробные статистические данные всех сторон жизни губернии, но даже перечень и образцы обрядов, обычаев и фольклора народов, ее населяющих.

Во втором томе есть описание и Архангело-Пашийского завода. Опуская подробное описание производственных мощностей, находим несколько абзацев с описанием самого поселка:

«Несмотря на краткое время существования сего завода представляет уже он немалочисленное селение, в котором находится ныне каменная двухэтажная церковь, четыре господских дома, заводская контора, больница, школа для обучения заводских детей и 337 обывательских домов; жителей по последней ревизии насчитывается 628, которые считаются за мастеровых, не считая других крестьян здесь поселившихся».

Трудно сказать, откуда появились данные, которыми пользовался Попов, так как составленный в 1809 году *«План Архангелопашийскаго, Ея Сиятельства Княгини Анны Александровны Голицыной чугуноплавильного и железодельного завода, заводскому и обывательскому строению»*⁷⁵ содержал всего 283 дома. Кроме этого, на плане были указаны как заводские постройки, так и поселковые: *«А плотина, В вешняиной прорез, С сливной мост, Д ларь, Е труба, F доменные печи, J места для выпуску чугуна, H фурмовая, I якорная, K молотовая фабрика, L кузница, M старая меховая, N анбары для клажи железа, O новая меховая, P стальная, Q каменная печь для жжения угля, R кирпичной сарай, T мукомольная мельница, W пильная, U сторожка, X два хлебные анбара, У два ж анбара для положения разных для заводу припасов, Z господские дома, S конюшня, а гофшпиталь, b каменная о двух этажах церковь о трех пределах 1й во имя вознесения господня 2й архангела Михаила 3й Живоначальной троицы, с кантора, d анбар»*⁷⁶. Как видно, основные постройки остались прежние, из новшеств можно отметить только стальную фабрику, пильную фабрику и каменную печь для углежжения — предвестницу будущего изменения технологии производства древесного угля.

Спустя еще 45 лет заводской приказчик Павел Суворов в рапорте 26 июля 1854 года перечисляет население и постройки, имевшиеся в поселке на то время⁷⁷. Мужское население завода к этому времени состояло из служителей и мастеровых. Служителей было 124 человека, в числе которых 75 были на должностях, 4 были пенсионерами, а 45 еще мальчиками. Мастеровых было 1147 человек: 400 работников, 41 *«полуработник»*⁷⁸, 137 стариков, 155 мальчиков, а прочие 414 по старости и малолетству на пенсионном положении.

Что же касается построек, то при заводе числилось домов господских 15 и обывательских 438. Кроме этого, в поселке есть госпиталь на 33 кровати и приходское училище. В училище было 2 класса, в которых два учителя и 39 учащихся.

К этому времени выше по течению речки Пашии уже был построен дополнительный верхний (Михайловский) завод. Там тоже уже было построено 3 господских и 33 обывательских дома. На самом крупном Зыковском руднике, находившемся в 11 верстах от завода, стояло 6 господских и 16 обывательских домов.

За прошедшую половину века поселение выросло всего на четверть. Оно и понятно, так как новых производств на заводе не появилось, выстроенная третья домна в основном простаивала из-за нехватки энергии. Водяной ресурс речки Пашия был не бесконечен, и даже постройка Михайловского завода выше по ее течению не смогла сильно изменить ситуацию.

Вольного Общества. Пермское губернское правление, 1804.

⁷⁵ ГАСО: ф. 59, оп. 7, д. 293, л. 1.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ ГИМ ОПИ: ф. 14, оп 1, д. 781, л. 200.

⁷⁸ Подростки 16 — 18 лет и «старика» 55 — 60 лет.

Глава 4. Складская ведомость

Что может быть скучнее и неинтереснее, чем перечень вещей, хранимых на заводском складе. Но двести лет спустя простая опись вещей может многое рассказать и даже чем-то удивить современного читателя. В архиве на полке хранится дело с незатейливым названием: «Ведомость отчетная Архангелопашийского завода из канторы какое количество с мая прошлого 1798 года по май же месяц 1799 имелось разных нижеписанных припасов и вещей»⁷⁹.

Сразу надо отметить, что это не про перечень материалов для производства заводских работ. Это были материалы для функционирования завода в самом широком смысле этого слова, и в первую очередь — для обеспечения его работников. Да, мастерам была положена зарплата. Деньги начислялись даже малым детям, которые еще и не привлекались к работам. Но в основном оставались эти деньги только на бумаге, так как большая часть их зачитывалась за предоставление работникам продуктов питания и предметов обихода, завозимых на завод.

Уже с первых дней существования завода предприимчивые крестьяне, прибывавшие на завод, занимались «переторжкой» — перепродажей купленных на ярмарке посуды, одежды и произведенных ими самими продуктов питания. Некоторые из местных ремесленников успевали в свои выходные дни изготовить и предложить на продажу кустарные изделия — лапти, деревянные миски и ложки. Кто-то продавал заготовленные продукты питания — сушеные грибы, ягоды, вяленую рыбу. Но по сравнению с выдаваемыми на заводе припасами, это было очень скромное количество. К тому же и денег на покупку товаров «на стороне» у заводских жителей практически и не оставалось. По итогам года почти вся начисленная зарплата зачитывалась в счет выданных продуктов питания и одежды.

Конечно, припасы подвозились на завод круглый год. Летом водным путем, после отправки весной железного каравана с чугуном вниз по течению, навстречу ему отправлялся караван с зерном. Но тащить баржи приходилось вверх по течению, и нередко, еще не достигнув Архангело-Пашийского завода, караван застревал на быстро мелевшем летом Вижае, откуда приходилось вывозить груз на телегах. На телегах можно было везти груз и по дороге, прорубленной уже в первые годы, но качество дороги оставляло желать лучшего. Весной и осенью, а зачастую и летом, после обильных дождей она была совершенно непроезжей. Поэтому основным являлся зимний санный путь. Даже спустя сорок лет после постройки завода, в церковной ведомости 1825 года было написано, что заводская церковь от Перми «отстоит в ста сорока верстах и путь к оной кроме зимнего времени никогда не удобен»⁸⁰.

Итак, что же хранилось на заводском складе? Ведомость начинается с церковных запасов. Церковь к этому времени еще до конца не построена, но первый этаж с двумя приделами уже функционировал. Церковные запасы можно поделить на две категории. Первая — это запасы для свершения церковных служб и таинств: вино, елей и воск на свечи. На год запас воска составлял больше чем два с половиной пуда — сорок килограммов. Елей, он же деревянное масло, известное в настоящее время как масло оливковое, кроме церковных служб, широко использовался для лечения. Это было универсальное лекарство, и половина запаса использовалась для лечения как людей, так и лошадей.

Вторая часть церковных запасов — это были материалы для украшения церкви, а именно: листовое золото и серебро, используемое мастерами для «золотьбы» и «серебрения» украшений церковного алтаря. Кроме этого, хранился один медный колокол. Колокольня еще не была построена, а часть имеющихся к тому времени колоколов была подвешена на временном деревянном сооружении.

⁷⁹ РГАДА: ф. 1263, оп. 10, д. 1625.

⁸⁰ ГАПК: ф. 195, оп. 1, д. 55, л. 21.

Следующим потребителем припасов была заводская контора. Контора что делает? Правильно, пишет. Больше шестидесяти четырех килограммов бумаги составлял годовой запас — «4 пуда 35 фунтов на производство письменных дел». Понятно, что бумага в то время была другая: толстая, больше напоминающая современный картон голубого или желтого цвета. Тем не менее это было 56 «стопов»⁸¹ — почти 27 тысяч листов бумаги. Совсем небольшая часть уходила в школу на обучение письму, а остальное использовалось для многочисленных учетных ведомостей и отчетов. Чернила делали сами из «чернильных орешков» и «чернильного купоросу», запас которых тоже хранился на складе. Чернильные орешки — это не название вида орехов, а наросты на листьях дуба, образуемые насекомыми, которые так и называются — орехотворки. Еще со Средних веков в России использовались «железные» чернила, которые готовили из железного купороса, добавляя в него отвар из чернильных орешков. Надо сказать, что чернила получались хорошие. За прошедшие с того времени две с лишним сотни лет текст, написанный этими чернилами, нисколько не поблек.

Бюрократия была страшной. Каждое утро учитывались при распределении на работу крестьяне, отработывавшие барщину на заводских работах, и заводские работники. Каждый вечер учитывалась произведенная работа. Кроме этого, велся учет отпуска продуктов, материалов. Ежедневный учет произведенной продукции, добытой руды, привезенной руды, заготовленных дров, выжженного из них угля. Список можно продолжать дальше и дальше. Для каждого входящего или исходящего письма в конторе изготавливалась и хранилась его копия.

Каждую неделю в правление в селе Верхомулинском отправлялся отчет, начинавшийся всегда стандартной фразой. «При здешнем Архангелопашийском заводе по всему селению, в разных дровосеках, куренях и при рудниках за помощью божьей обстоит во всем благополучно, а о прочем покорно объявляется ^{следующее} ...»⁸². Дальше шло однообразное перечисление состояния дел. Про состояние домны и объем выплавляемого чугуна, про работу молотовой фабрики и сколько железа на ней выковано, про куренную⁸³ работу и количество заготовленного угля, про состояние плотины и уровень воды в пруду и так далее, и тому подобное.

Понятно, что светового дня для написания всех бумаг явно не хватало, поэтому и следующая запись не вызывает удивления: «Сальных свеч 32 пуда 29 фунтов на сумму 127 рублей 80 копеек». Надо сказать, что свечи шли не только на канцелярскую работу. «Отпущено во все цеха и повытчикам⁸⁴ в оклады» — значилось в описании расхода. Про цеха понятно, а вот почему свечами выдавалась часть зарплаты канцелярским работникам, не очень понятно. Вряд ли они дома в свое удовольствие продолжали писать канцелярские бумаги. Скорее всего, дома они подрабатывали, составляя заводским жителям многочисленные челобитные, которые подавались в разные адреса начиная с заводского приказчика и до самого князя Голицына с жалобами на притеснения и обиды. Ну и логичным дополнением к свечам были железные подсвечники, отпущенные в контору и «словесное училище».

Конечно, огромное количество запасов составляли продукты питания. Надо было обеспечить питание как шестистам семьям заводских жителей, так и присылаемым на работы не меньшему количеству крестьян. Хлеб составлял основу рациона всех заводских жителей. Ржаная мука для его приготовления, а также ячмень и овес хранились в отдельном хлебном амбаре под присмотром хлебного целовальника. Целовальник — это была специальная должность хлебного кладовщика, который давал клятву: крест целовал в том, что не будет воровать и честно выдавать положенную хлебную «выдачу».

⁸¹ 1 стопа = 1/10 кипы = 20 дестей = 480 листов бумаги.

⁸² ГИМ ОПИ: ф. 14, оп. 1, д. 778, л. 284.

⁸³ Работа по пережиганию дров в уголь.

⁸⁴ Старший канцелярский работник.

А на складе учтено множество других продуктов питания. Не имеет смысла перечислять все из них, но на нескольких хочется остановиться. «*Мяс говяжьих 1591 пуд*». На первый взгляд, кажется большим количеством. Но если это годовой запас на всех работников, включая привлеченных крестьян, то становится ясно, что выходит лишь пара десятков грамм в день на человека. Так что, увы, заводские работники могли позволить себе есть мясо далеко не каждый день. А вот больным «в гофшпиталь» мясо выдавалось в гораздо большем объеме. Из описания не совсем понятно, в каком виде хранилось это мясо. Скорее всего, это была солонина — старинный вид консервов, когда мясо засаливалось в бочках.

А вот перечень рыбы впечатляет, и хочется привести его целиком, включая стоимость: «*Рыбы соленой: Сырков 1800 штук на сумму 122,40 рублей; Щучины 100 пудов на сумму 132 рубля; Севрюги 449 пудов на сумму 933 рубля; Судачины сухой 129 пудов на сумму 262 рубля*». Если мясо стоило чуть больше рубля за пуд, то рыба, как видно, была несколько дороже.

Самым экзотичным и изысканным продуктом питания были: «*Вотки французской 1 штоф⁸⁵ и сахару в дом господский для угощения приезжающих людей*». Водка французская, как видно из названия, была зарубежным продуктом, продававшимся в то время только в казенных заведениях и представлявшим из себя виноградную самогонку. Сахар тоже был очень дорогим продуктом, совершенно недоступным заводским жителям. И жители, и даже приказчики довольствовались медовой патокой — дешевым суррогатом, производимым из крахмала.

Еще один продукт, который использовался вовсе не для еды. В запасе было сала топленого 2 пуда 35 фунтов, которое предназначалось для смазки доменных мехов и других механизмов.

На складе хранился полный ассортимент крестьянской одежды и обуви, включая «*Шубы и тулупы овчинные, шляпы*». Из того, что можно назвать рабочей одеждой, были только «*Вачеги наподобие рукавиц*», которые и были специальными рабочими рукавицами, используемыми доменными и кузнечными работниками. А на все случаи жизни хранилось 313 штук сукна сермяжного⁸⁶. Штукой называли целый рулон ткани и шла эта ткань и в меховую, для изготовления и починки заводских мехов, и жителям в счет зарплаты на самостоятельный пошив необходимой одежды.

С обувью тоже все было просто: коты, меховые с опушкой сапоги и традиционные лапти. При этом лапти вовсе не были летним видом обуви: утеплив ноги носком или онучами⁸⁷, носили их и зимой. Коты на каждый день могли позволить себе лишь жители побогаче — мастера, подмастерья, служители. Пара котов стоила 20 копеек, в то время как пара лаптей — две копейки. К тому же их можно было не покупать, а сплести самостоятельно.

Ну и, конечно, на складе хранился запас разнообразного заводского инвентаря. Кроме понятного разнообразия скобяных изделий, интересно обратить внимание на следующие припасы: «*для фурмовой фабрики медных образцов для литья посуды — 5 штук*». Фурмовая фабрика — цех по отливке чугунных изделий, изначально был предназначен для отливки промышленных и военных изделий. Части заводского оборудования, ядра, пушки и даже напольные плиты, которыми был устлан пол в церкви, — все отливалось на фурмовой фабрике. Про литье посуды еще будет рассказано в одной из следующих глав, а пока же хочется отметить, что чугунную посуду отливали не просто так, а по образцам посуды медной.

Транспортные средства на заводе были двух видов: водные и гужевые. Соответственно, на складе хранились важные транспортные запчасти. Запасные тележные колеса — 85 пар и деготь, которым эти колеса и смазывались, — 69 ведер. Водный транспорт был представлен разнообразными средствами: от плотов, на которых сплавлялись чугунные чушки до Нытвен-

⁸⁵ 1 штоф = 2 бутылки = 6 стаканов = 12 чарок = 1,54 литра.

⁸⁶ Грубое толстое сукно из простой шерсти ручного или кустарного изготовления.

⁸⁷ Старинное название портянок — полосы ткани, наматываемой на ногу.

ского завода, до барж-«коломянок». Баржи использовались в составе весеннего каравана, везущего железо и чугунные изделия до Нижнего Новгорода и дальше. Баржи не возвращались на завод, дешевле было на следующий год строить новые. Вот для этого строительства и держали запас из 134 пудов пакли, используемой для конопачения барж и 707 ведер смолы для их последующего смоления. А для оснастки их хранился 371 пуд пеньковых косяков⁸⁸. До впадения Камы в Волгу караван сплавлялся по течению, а вот по Волге баржи тащили с помощью канатов. Или волоком, как на известной картине Репина, или заводя якорь с канатом вверх по течению и подтягивая к нему баржу, наматывая канат на ворот.

Судя по количеству хранимых деревянных лопат (930 штук), предназначенных: «*в завод для огребки снегу с фабрик и прочие надобности*», зимы были снежные, и уборка его проводилась регулярно. Хранился запас «*однодеревых лодок*

⁸⁸ Вид каната.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.